

# Идиографический подход в клинических исследованиях (метод анализа случая)

*КЛИМАСЬ Д.Г.*

Проблема методологии наук была одной из самых обсуждаемых на рубеже XIX и XX вв. Этот период стал во многом определяющим в развитии известной полемики о предмете и методе психологии. Более ста лет назад Дж.С.Милль предложил различать психологию как науку о сознании в целом и этологию, которая должна исследовать функционирование психологических законов в специфических индивидуальных комбинациях, таких как личность. Сходным образом мыслил В.Дильтей, настаивавший на различии «объяснительной» психологии (аналитической и сравнительной) и «понимающей» - науки о личности в целом. В 1894 году немецкий философ В.Виндельбанд выступил с докладом «История и естествознание», главная идея которого заключалась в разделении всех наук не по предмету, как это было ранее, а по методу. Подход к исследованиям, ориентированный на поиск общих, универсальных законов, получил название **номотетический**. Подход, ориентированный на изучение конкретных, единичных событий и явлений – **идиографический**. Оба подхода, по мысли автора, могут сосуществовать в рамках одной и той же науки, но в разных пропорциях. Для естественных наук наиболее подходящим является номотетический подход, для исторических наук и наук о духе, которые позже были названы гуманитарными, – идиографический.

Виндельбанд относил психологию к гуманитарным наукам по предмету, и к естественным – по методу, т.к. конечной целью исследований является поиск общих закономерностей. При этом он ставил под сомнение возможность полного объяснения психологического развития и функционирования индивида на уровне общих закономерностей.

Тем не менее, по его мысли, при изучении индивидов необходимо обращаться к общим законам, т.к. они помогают структурировать факты и критически оценивать результаты.



Столкнувшись с этой проблемой, У.Джеймс занял более радикальную позицию, утверждая, что психология является не наукой, а лишь надеждой на науку. Он не только усомнился в валидности общих закономерностей, но и поставил вопрос о том, что конкретная личность не должна являться предметом психологического анализа. Каждый конкретный индивид уникален и не подвластен никакому анализу, следовательно, «единственное, что мы можем сделать, - это преклониться перед Создателем» (Джеймс, 1912, цит. по Г.Олпорт, 1998).

Тем не менее, столь отчаянный вывод большинству исследователей показался неубедительным. В связи с бурным развитием практической психологии и психодиагностики, дискуссии по поводу возможностей и методов изучения индивидуальности стали особенно популярны (Marceil S.; Kenrick D., Stringfield D., 1980; Kenrick D., Braver S., 1982). Традиционный подход к исследованию личности предполагал сравнение индивидов на основании некоторых общих концептов, или «личностных черт», и по природе был номотетическим. Представители идиографического направления, напротив, делали акцент на глубоком, всестороннем исследовании отдельного индивида (Cloninger, 1996). В обоснование своих взглядов они использовали следующие аргументы:

1. В психологии, ориентированной на естественнонаучную методологию, человек понимается как объект исследования, а исследователь пытается всевозможными средствами устранить свое влияние на этот объект. Требования объективности предполагают независимость свойств и законов функционирования объекта от его познания исследователем. Однако в рамках гуманитарной парадигмы этого достичь практически невозможно, т.к. изучение психологических свойств личности предполагает непосредственное взаимодействие. По выражению М.М. Бахтина (1979), активная личность не может уподобиться «безгласной вещи», или «объекту», поэтому познание его может быть только диалогичным<sup>1</sup>.

В XX в. представления об идеалах научного исследования существенно меняются. Сама исследовательская деятельность стала рассматриваться как определенный компонент изучаемого явления, как конструктивный процесс, а то, что мы называем «вечными» и «неизменными» законами, — как функция исследовательской деятельности (Мамардашвили М.К., 1984)<sup>2</sup>. При этом вопросы о том, какими свойствами обладает субъект «сам по себе» и каковы закономерности его «естественного» развития, не зависящего от познающего субъекта, перестали существовать.

2. Поиск причинно-следственных связей и зависимостей является одной из главных задач экспериментальной (номотетически ориентированной) психологии. В тради-

ции гуманистической психологии всякий детерминизм противостоит свободе личности. На основании опыта терапевтической практики и собственных исследований, К.Роджерс пришел к заключению, что чем успешнее идет процесс работы с клиентом, тем больше спонтанности и непосредственности в его поведении; напротив, предсказуемость характерна для психически неполноценных людей в силу их ригидности (цит. по Соколова Е.Е., 1994). Кроме того, человек способен не только выбирать цели деятельности из уже существующих, но и самостоятельно определять их. В этом случае можно говорить не о причинно-следственной, а о целевой детерминации (Стеценко А.П., 1990).

3. Элементаризму в объяснении психической жизни человека, характерному для сторонников номотетического подхода, был противопоставлен принцип целостности. По мысли В.Дильтея (1894), этот принцип, являясь основополагающим в изучении сознания и поведения личности, определяет методологические различия «объяснительной» и «описательной» психологии.

Недоверие к привычным аналитическим техникам естественных наук в изучении личности в дальнейшем подпитывалось работами гештальтпсихологов и основателей психологии персонализма У.Джеймса и В.Штерна. Идеи уникальности, целостности индивида, конгруэнтности его поведения оказали огромное влияние на развитие современной теории личности и методов ее изучения. Как писал Г.Олпорт (1962), лишь зная человека как человека, можно предположить, что именно он будет делать в данной ситуации. Следовательно, от исследователя требуется избрать такие методы изучения, которые бы не скрывали и не размывали эту индивидуальность. Сам автор предлагал компромиссный вариант выхода из положения: использовать техники, которые по природе являются морфогенетическими (идиографическими — в его терминологии) и в то же время поддаются контролю, перепроверке и обеспечивают надежность результатов (1998).

4. Номотетический подход часто критикуют за «среднестатистическое» представление о человеке. По мнению ряда авторов (Hermans, 1998; Hermans & Bonarius, 1991) это связано, главным образом, с эволюцией

<sup>1</sup>Цит. по Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. Хрестоматия. - М., 1994.

<sup>2</sup>Там же.



понятия «общее». В понимании Виндельбанда, номотетические, всеобщие знания и законы распространяются на всех представителей группы. В исследовании путь к всеобщему знанию начинается с детального анализа отдельного случая. Еще за 15 лет до выступления Виндельбанда, признанный основатель экспериментального подхода в психологии В. Вундт пришел к выводу, что оптимальное для научного исследования число испытуемых должно равняться единице (по Lamiell, 1998). Однако со временем исследования отдельных индивидов уходят на второй план, уступая место другим экспериментальным традициям, основанным на статистическом представлении индивидуальных различий, на корреляционных методах, психометрике и др. (K. Danziger, 1990). С развитием статистических методов исследования этот термин стал все чаще использоваться в значении «совокупный». В то же время еще Виндельбанд подчеркивал, что для понимания конкретного индивида неприменимы закономерности, которые действуют на уровне некоторой совокупности.

На практике статистические выводы отражают то, как можно в среднем характеризовать группу. Однако эти результаты не распространяются на всю выборку в целом, кроме того, на их основании зачастую ничего нельзя сказать о конкретных испытуемых. В лучшем случае, они отражают типичные особенности представителей группы, а это уже не психологическое, а скорее, демографиче-

ское исследование с использованием психологических терминов (Lamiell, 1987).

В то же время, нормативы традиционной экспериментальной науки (надежность, валидность, репрезентативность результатов) требуют выбора экстенсивного плана исследования (т.е. на большой выборке) с последующей математической обработкой.

Статистические методы применяются, главным образом, чтобы с помощью универсальных, надежных критериев подтвердить объективность выводов о связи, зависимости, и др. Однако зачастую эти критерии устанавливаются произвольно, на основе некоторой договоренности. Поэтому остается спорным вопрос о необходимости статистической обработки результатов для подтверждения их объективности (Kazdin A.E., 1980).

Опасность выбора экстенсивного плана также заключается в том, что, при большом многообразии индивидуальных различий внутри группы, анализ средних значений приведет к незначимым, тривиальным выводам. Поэтому с точки зрения методологии, более целесообразно исследовать типичного представителя или группу индивидов, сходных по определенным признакам (G.P. Ginsburn, 1979). Поскольку на практике это зачастую неосуществимо (сложно представить исследование типичных убийц, суицидентов и т.д.) исследователи индивидуальных особенностей отдают предпочтение интенсивному плану (Mixon 1971; De Waele, 1971), который предполагает детальное, глубокое изучение отдельных случаев.

Кроме того, применение обоих подходов одновременно невозможно чисто теоретически. Дело заключается в различии экспериментальных планов: чем подробнее мы характеризуем отдельного представителя класса, тем менее он «типичен», и тем меньше индивидов можно объединить с ним в одну категорию. Поэтому, как писал Олпорт, исследователь должен выбрать: изучать поведение с точки зрения общих принципов, универсальных переменных, большого количества субъектов или сконцентрироваться на индивидуальных случаях, используя методы и переменные, соответствующие уникальности каждого человека (1962).

Вопрос о соотношении идиографического и номотетического подходов был детально изучен Du Mas (1955). Автор проанализировал три основных варианта организации исследований:

1. Разовое обследование всех представителей класса, направленное на оценку максимально возможного числа разнообразных характеристик.

2. Динамическое исследование всех представителей с целью проследить изменения по какому-то одному признаку.

3. Динамическое исследование максимально возможного числа свойств отдельного индивида или малой группы.

4. В первых двух случаях наиболее уместным является применение номотетического подхода, в третьем - идиографического.



Ярким примером применения идиографического подхода является метод изучения отдельных случаев (case study), сыгравший ведущую роль в развитии клинической психологии (Kazdin A.E., 1980). В первую очередь, изучение случая является основой, первоначальным научным исследованием, источником новых идей и гипотез. Кроме того, именно к конкретным примерам чаще всего обращаются ученые, анализируя отношения ситуативных, личностных и поведенческих переменных.

Данный метод широко используется в разнообразных сферах психологической науки: в психологии памяти, психологии развития, зоопсихологии, психолингвистике, патопсихологии и проч. (Bolgar 1965; Dukes, 1965). В клинической психологии его применение оказалось наиболее продуктивным (Allport, 1961). Кроме того, на практике это

оправдано высокой специфичностью реальных проблем и запросов пациентов. Основные принципы разработки теорий и методов изначально были ориентированы на помощь конкретным индивидам (R.Watson, 1951). Поэтому центральной задачей клинической психологии является глубокое, детальное исследование индивида с попыткой установления причинно-следственных связей между событиями его жизни, особенностями личности и поведения.

Методологические принципы, разработанные в отечественной науке, в полной мере соответствуют этой цели. В первую очередь, это:

1) личностный подход, предполагающий отношение к исследуемому человеку как к целостной личности с учетом всей сложности и индивидуальных особенностей;

2) максимально полное ознакомление с историей болезни и жизни;

3) динамическое наблюдение и обследование; акцент на качественный анализ результатов;

4) синдромологический подход к постановке диагноза и проч. (Зейгарник Б.В., 1986; Рубинштейн С.Я., 1970).

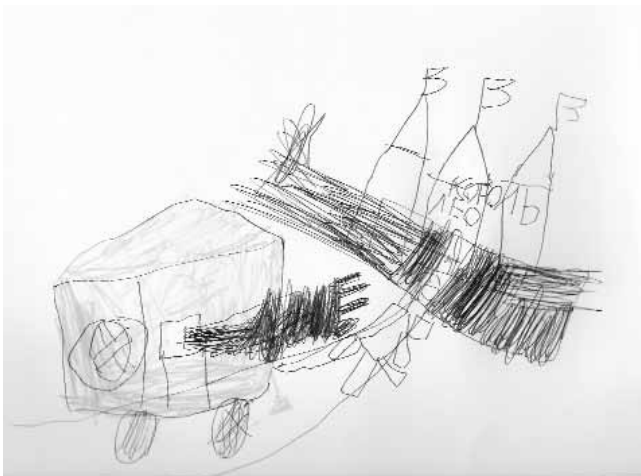
Подобная специфика методологии связана с традицией клинических исследований в психиатрии, которые проводились в ходе терапевтической работы. Традиционно в психиатрии для изучения психических заболеваний наряду с основными методами клинической медицины использовались базовые приемы оценки психического состояния – систематическое наблюдение за больным и беседа с ним. Современная психиатрическая диагностика в основе своей имеет длительный опыт анализа отдельных случаев. Так например, основоположник нозологического направления, немецкий психиатр Крепелин (1855-1926) описал тысячи историй пациентов психиатрической клиники. Обобщив свои наблюдения, он первым представил почти все психические расстройства в виде отдельных болезней.

Клинические наблюдения Д.Шарко, П.Жане, Й.Брейера, З.Фрейда, К.Юнга и их последователей во многом стали определяющими в развитии теоретических и практических аспектов клинической психологии. В этих работах объяснения поведения и этиологии психических расстройств практически полностью были основаны на изучении отдельных случаев. Например, первые пси-

хоаналитические теории личности и ее развития, а также терапевтические техники были разработаны Фрейдом по результатам анализа случаев из собственной практики. Стоит отметить и другие значимые работы К.Левина, Ж.Пиаже, К.Роджерса, А.Маслоу, А.Лурии и т.д., чей вклад в развитие психологической науки невозможно не учитывать. Несмотря на то, что эти исследования были проведены на небольшом количестве индивидов, теоретические выводы существенно повлияли на развитие знаний об универсальных психологических процессах и этапах развития личности. Материалы изучения случаев до сих пор используются для обоснования теорий и разработки новых терапевтических техник.

Применение данного метода в научных исследованиях имеет свои преимущества и недостатки:

1. Исследование отдельного случая позволяет избежать проблем с выбором испытуемых, финансированием, сравнением и контролем клинических испытаний. Однако обобщения при исследовании такого рода можно делать только на основе систематического повторения (Р.Хиггинс, 2003). Другой способ прийти к обобщению – присоединить к наблюдениям выводы, полученные при ана-



лизе других случаев, или провести сравнительный анализ группы случаев. Считается, что риск влияния случайных, не учтенных в анализе переменных, снижается, если наблюдаемая закономерность встречается ча-

ще. Однако количество испытуемых не является решающим фактором, влияющим на истинность результатов. Существуют экспериментальные планы, рассчитанные на исследование малой группы и даже одного индивида.

К тому же, увеличение выборки встречает чисто практические ограничения. Чаще всего анализ случаев проводится в форме лонгитюда. Это наиболее оптимальный метод исследования изменений психического состояния, факторов и механизмов развития заболевания. Однако подобные исследования отнимают много времени и средств, поэтому на практике нереально проводить их на большом количестве испытуемых. Последовательное обследование представителей разных когорт с сокращением периода наблюдений также не вполне оправдано, т.к. за короткий промежуток времени значимые изменения могут и не произойти. Поэтому лучшим вариантом представляется лонгитюдное, проспективное (отслеживание динамики в разные возрастные периоды) исследование на небольшой выборке представителей одной когорты (J.Stevenson, 1993).

2. При выборе группы испытуемых также необходимо обратить внимание на ее соответствие выдвинутой гипотезе. Содержание гипотезы задает правила, определяющие численность и характеристики выборки. Если полученные в исследовании выводы окажутся за пределами этих границ, результаты могут быть признаны несостоятельными. Так например, один из пунктов критики психоаналитической теории Фрейда состоит в неправомерности обобщений на более широкую группу данных, полученных на популяции представителей среднего класса Вены (см. Хиггинс, 2003).

3. При исследовании случаев достоверность выводов зависит и от множества других факторов, связанных с организацией сбора данных и интерпретацией результатов.

Во-первых, основной источник данных - наблюдение - как метод отличается от житейского, общепринятого понимания. Наблюдение в ходе исследования опосредовано поставленными целями, определяющими область регистрируемых «фактов». Оно опосредовано теоретическими представлениями об изучаемой реальности, познавательными гипотезами (Т.В. Корнилова, 2002).

При исследовании случаев мы чаще

всего имеем дело с полевым наблюдением, которое проводится в естественных условиях, в разных ситуациях и контекстах. Полевое наблюдение позволяет создать наиболее полную картину естественных форм поведения при минимальных искажениях. Недостатками метода являются несистематичность, недостаточный контроль условий и трудоемкость (Корнилова, 2002).

С учетом позиции наблюдателя можно также выделить внешнее наблюдение - со стороны, когда наблюдатель стремится сохранить нейтральную, безоценочную позицию, и включенное, при котором исследователь сам является членом наблюдаемой группы, полноправным участником событий. Примером внешнего наблюдения может послужить метод Э.Бик, который используется в психоаналитических исследованиях младенцев. Наблюдение проводится в естественных условиях, при этом исследователь старается избегать любого рода взаимодействий с наблюдаемыми индивидами, никак не включается в ситуацию и составляет отчет в максимально нейтральной, свободной от интерпретаций форме.

Если исследование проводится в рамках терапевтической работы, конечно, мы будем иметь дело с включенным наблюдением, которое, с одной стороны, позволяет глубже проникнуть в исследуемую реальность, с другой - не гарантирует от ошибок и искажений, возникающих в силу пристрастного отношения наблюдателя.

В любом случае, то, что выбирает, видит и запоминает исследователь, во многом зависит от его субъективного опыта и установок. Чтобы минимизировать эту пристрастность, можно попытаться вести стенографические записи или использовать технические средства. Отчеты в этом случае получаются более полными, точными. Кроме того, появляется возможность многократно воспроизводить записи и получать мнение других экспертов. Однако все эти средства достижения объективности часто препятствуют установлению контакта с пациентом, и следовательно, препятствуют правильному проведению анализа случая (Р.Хиггинс, 2003).

На практике выявление «фактов» в значительной мере зависит от отношений между терапевтом и пациентом и от настроенности одного на внутренний мир другого. Субъективная включенность терапевта-ис-

следователя не является в данном случае помехой, а напротив, способствуют пониманию сути происходящего с пациентом, что с одной стороны, увеличивает эффективность терапевтического процесса, с другой, - приближает к адекватной интерпретации наблюдаемых феноменов. Безусловно, психолог или психотерапевт будет использовать определенную систему защит, чтобы сохранить позицию помогающей стороны или позицию исследователя. Однако чрезмерное сопротивление вовлечению в переживания пациента становится непродуктивным, как и в случае любых защит (Szasz, 1961; Goffman, 1974; Higgins, 1963, 1990, 1993). Препятствия в терапии исчезают, когда мы начинаем понимать пациента, т.е. когда мы можем разделить с ним его страдания и при этом конструктивно извлекать необходимую нам информацию (Р.Хиггинс, 2003).

Позиция исследователя в рамках терапевтической работы требует умения обнаруживать и исключать т.н. случайные переменные, которые могут повлиять на результаты. Р.Хиггинс (2003) выделил три класса таких переменных:

1. Тенденции, присущие терапевту (желание доказать эффективность лечения и помочь пациенту поправиться).

2. Тенденции, присущие пациенту (желание поправиться, желание угодить или досадить терапевту).

3. Неправильные выводы о причинности. Например, пациент мог начать поправляться до начала лечения или же улучшение могло произойти под влиянием силы убеждения терапевта и не иметь причинно-следственных отношений с лечением как таковым.

Для того чтобы подтвердить выводы о произошедших изменениях и наблюдаемых зависимостях, при организации исследований часто используются дополнительные данные: материалы интервью, самоотчетов, продукты творчества пациента, рассказы обслуживающего персонала, результаты тестирования, аудио- и видеозаписи, системы оценок и ранжирования наблюдаемого поведения и т.д. Также целесообразно использовать оценочные методики с известной надежностью и валидностью. С их помощью можно скорректировать неточности выводов, основанных только лишь на субъективных суждениях (Kazdin, 1980).

4. Вопросы контроля случайных пере-

менных и условий проведения исследования являются основными пунктами критики при сравнении метода анализа случая с экспериментальными приемами. Поэтому в идеальном варианте за изучением случая должна следовать экспериментальная проверка.

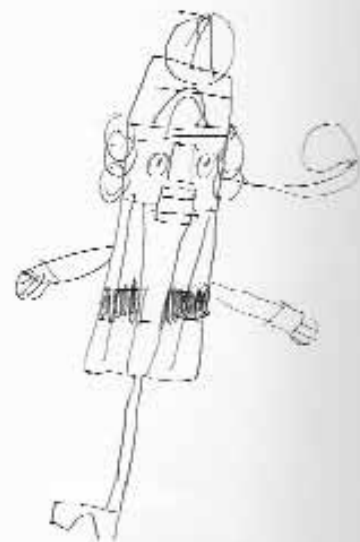
Здесь важно отметить, что анализ случая и экспериментальное исследование не исключают друг друга и не являются взаимозаменяемыми. Некоторые особенности метода анализа случаев, которые снижают его надежность и объективность, могут рассматриваться как преимущества в контексте клинических исследований. Например, данные исследования в естественных условиях с отсутствием контроля за переменными существенно дополняют результаты экспериментальных исследований (Shontz, 1965).

Сущность эксперимента состоит в определенном упрощении наблюдаемых феноменов. В то же время, детальное, глубокое исследование явления во всей его сложности зачастую дает более ценные результаты. Анализ случая в историческом и социальном контексте выявляет тонкие смысловые оттенки, которые могут быть важными для пациента, процесса его излечения, а в конечном итоге, могут быть источником новых идей в развитии объяснительных теорий и терапевтических техник. В некоторых случаях этот метод является единственно возможным вариантом исследования. Например, изучение уникального феномена множественной личности целиком основано на детальном анализе единичных случаев. Много важных открытий в области применения терапевтических техник сделано именно благодаря интенсивным исследованиям. Например, была существенно расширена область применения метода систематической десенсибилизации после многочисленных работ, посвященных его использованию в частных случаях: экзистенциальная тревога (Nawas, 1971), нервная анорексия (Schnurer, Rubin & Roy, 1973); kleptomания (Marzagao, 1972) и проч. Эффективность лечения в этих случаях невозможно было оценить, сравнивая группы традиционными экспериментальными методами (см. Kazdin & Wilcoxon, 1976; Paul, 1969; Willkins, 1971).

Поэтому анализ случая и исследование должны, по возможности, идти вместе, дополняя друг друга. Изучение случая является источником новых идей и гипотез, новых направлений развития терапевтических тех-

ник. Важнейшая задача эксперимента - проверка гипотез и оценка достоверности полученных выводов (Bolgar, 1965; Shontz, 1965). На первом этапе нужна интуиция, на втором - скептическое отношение. Р.Грегори (1992) считал, что этим задачам соответствуют два различных вида мышления: быстрое интуитивное, выражающееся в «объяснении с размахиванием рук», и медленное последовательное мышление - «вращение ручки». Г.Бейтсон (1973) предполагал, что за движением творческой мысли и накоплением опыта стоит чередование «свободного» и «жесткого» мышления (цит. по Хиггинс, 2003). Таким образом, полное разграничение этих двух сфер является ошибочным. В исследовании случая мы, с одной стороны, опираемся на строгие научные нормы («вращение ручки», «жесткая» форма мышления), с другой - на творческую интуицию («размахивание руками», или «свободная» форма мышления).

С первых работ Фрейда случай перестал рассматриваться просто как частный пример или фактологическая основа какого-либо явления или теории. Случай уникален как продукт творчества, в котором переплетаются субъективные миры пациента и терапевта, и в то же время случай служит основой научного анализа и обобщения (см. Хиггинс, 2003).



### Заключение

Идиографический метод исследования отдельного случая сыграл важнейшую

роль в развитии клинической психологии. Результаты исследований широко применяются на практике, в диагностике и терапии, а также предоставляют ценные данные о поведении и развитии в целом. Безусловно, у данного метода существуют определенные ограничения и недостатки. Выводы по результатам исследования могут оказаться недействительными по следующим причинам:

1. Недостаточная организация сбора данных.
2. Ошибки интерпретации.
3. Неправомерное распространение полученных выводов на другие случаи.

Однако применение анализа случая в клинических исследованиях оправдано с точки зрения практических целей. Данный метод отвечает основным принципам построения исследований в клинической психологии. К тому же обладает рядом преимуществ по сравнению с экспериментальными техниками. Одной из задач применения этого метода является поиск значений наблюдаемых феноменов. Глубокий, качественный анализ -

необходимое условие на пути к этой цели. Кроме того, прояснение значений не может быть сведено к исследованию по правилам логической аргументации и к проверке вероятностных утверждений (см. Russel, 1932; Bishop, 1991). Что касается оценки результатов, здесь используются не столько формальные критерии достоверности, сколько реальные жизненные факты.

Еще в 1956 году президент Британского психологического общества L.S. Nearnshaw обратил внимание на существующее расхождение между ограничениями, налагаемыми традиционными научными методами, и «пониманием богатства человеческой индивидуальности». Он указал на необходимость поиска концепций, которые, обладая способностью научного объяснения и использования, тем не менее, были бы гуманитарными по своей сути. Метод исследования случая, располагающийся на стыке науки и искусства, представляет одну из попыток приближения к этой цели.

### **Литература**

1. Зейгарник Б.В. Принципы построения патопсихологического исследования // Патопсихология. Хрестоматия. Сост. Н.Л. Белопольская. - М., 2000.
2. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. Учебник. - СПб., 2002.
3. Корнилова Т.В. Экспериментальная психология. - М., 2002.
4. Олпорт Г.В. Личность в психологии. - М., 1998.
5. Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. Хрестоматия. - М., 1994.
6. Хиггинс Р. Методы анализа клинических случаев. - М., 2003.
7. Холл К.С., Линдслей Г. Теории личности. - М., 1997.
8. Bick E. Notes on infant observation in psycho-analytic training // The International J. of Psycho-analysis 1964 Vol. 45: 558-566.
9. Ginsburg G.P. Emerging strategies in social psychological research. John Wiley & Sons Ltd., Chichester, 1979.
10. Kazdin A.E. Research design in clinical psychology. Harper & Row Publishers, NY; Copyright 1980.
11. Lamiell J.T. 'Nomothetic' and 'Idiographic'. Contrasting Windelband's understanding with contemporary usage // Theory & Psychology 1998 Vol. 8 (1): 23-38.
12. Stevenson J. Problems in desing and carrying out longitudinal research // Nord J. Psychiatry 1993 Vol. 47 (1): 27-39.